Почти сорок лет я преподаю в высшей школе, критическое положение которой снова и снова заставляет задуматься над ее положением и оценить возможные перспективы. Именно поэтому на протяжении учебного года я вел хронику преподавательской жизни, отрывки из которой предлагаю читателям. Моя тревога вызвана тем, что тенденции созидания в высшей школе сейчас гораздо слабее тенденций разрушения, потому что в основе последних лежит система ценностей, отрицающая высшие смыслы и ограничивающая человека, особенно молодого, миром денег и вещей. В хронике нет ничего придуманного, при этом всякое совпадение персонажей с реальными лицами является непреднамеренным и случайным. И последнее. Слово «хроника» не должно удивлять — это повествование, в котором повременное изложение событий сочетается с попыткой их осмысления.

31 августа.

После отпуска всегда трудно начинать новый учебный год. Стоит потрясающая погода. Успение открывает бабье лето. Воздух прозрачен, ветра почти нет, днем жарко, по ночам прохладно, но еще можно купаться в реке. Это мое любимое время года. Уже несколько лет я могу им наслаждаться. Вступительные экзамены в аспирантуру с сентября перенесли на лето, и теперь начало осени у меня свободное.

Раньше сентябрь у меня был самым тяжелым месяцем, когда на обычную нагрузку накладывались вступительные экзамены в аспирантуру. В далеком 2004 году вступительный экзамен в аспирантуру сдавали дети кого-то из начальства, то ли университетского, то ли городского, теперь не помню. Ребята эти несли с умным видом околесицу, смотрели на экзаменаторов с вызовом, если не нагло, понимая, что их поддержат. Однако мы с коллегой поставили им двойки. Разразился скандал, нашего заведующего кафедрой вызывали к ректору, и шуму было много. На следующий год, когда в день экзаменов я пришел в отдел аспирантуры, мне было с улыбкой сказано, что я могу отдыхать, экзаменаторов достаточно, спасибо за готовность. Потом, когда сменился ректор, меня снова пригласили, два года я принимал, а после очередных двоек меня окончательно вычеркнули из списка экзаменаторов. Поэтому в приемную комиссию меня давно не приглашают. В который раз в этом сентябре я войду в аудиторию и начну читать лекции.

2 сентября.

Вчера я отдыхал, потому что первого сентября на первых курсах вручают студенческие билеты, на старших занятия никто не отменяет, но кажется, никто и

не проводит. Как правило, студентам дают этот день, чтобы утрясти дела, вселиться в общежитие, узнать расписание занятий, короче, ощутить ритм университета.

Сегодня у меня лекция на первом курсе. Почти все вооружены телефонами или планшетами, всем им 17–18 лет, это поколение селфи, сменившее поколение пепси. Вчерашние абитуриенты очень живо реагируют, задают вопросы, иногда наивные, иногда нет, но затрудняются сформулировать содержание понятий, которые должны быть известны со школы. Скажем, не могут определить, что такое совесть, пошлость, добродетель. Школа не отрабатывает содержание понятий. Привел им старое высказывание Декарта: «Уточняйте значение слов». Ведь богатство человека исчисляется не количеством вещей или денег, а тем, насколько мир распахнут по отношению к нему, а это возможно лишь тогда, когда мы знаем, как именуются явления, как называются процессы и вещи, которые нас окружают. Если исходить из опыта прошлых лет, после первой лекции, на которую приходят почти все, количество студентов на лекциях начнет уменьшаться и к середине семестра доходит примерно до двух третей от состава курса. Одни ходят постоянно, остальным либо лень, либо неинтересно, либо и то, и другое вместе.

3 сентября.

Сегодня семинар в одной из групп. Вчерашние школьники производят неплохое впечатление, задают вопросы, не стесняются высказывать собственное мнение. Посмотрим, что будет дальше. Наша система образования предусматривает большое количество часов, которые студент должен провести в аудитории — это традиционный университетский уклон в теорию, которая иногда отрывается от жизни. Я спросил, сколько у них занятий в четверг? Оказалось, четыре пары. То есть студенты приходят к 9.45 и заканчивают к 17 часам. А когда книги читать? Когда ходить на свидания, готовиться к семинарам? И потом: попробуйте посидеть на жестких, сделанных без учета линии Акерблома скамьях: спина заболит. А они сидят. А потом мы удивляемся, почему они не ходят на занятия, или почему у многих возникают различные болезни.

Это сейчас все сидят на скамьях. Я помню, как в начале 90-х годов на факультете журналистики вдруг из аудиторий исчезли почти все стулья. Доходило до того, что декан самолично распределял стулья по аудиториям. Приходишь проводить занятия, а студенты не сидят за столами, а стоят — сесть не на что. Оказалось, что стулья перекочевали в общежитие, благо оно было связано переходом с корпусом. Куда они девались оттуда — неизвестно, вполне возможно, что их продавали те, кто работал в общежитии, какую-то часть присвоили студенты. Время было полуголодное, зарплат почти не платили, не говоря о стипендиях, вот и решили подзаработать... В результате занятия приходилось отменять.

12 сентября.

Сегодня с утра принимал экзамен — сдают провалившие экзамены в летнюю сессию. Из двадцати человек по ведомости на экзамен явилось десять. Итог: две двойки, две четверки, остальные тройки. Собственно, ничего неожиданного. Студент по фамилии Середин долго готовился, попросился выйти, потом вернулся и начал отвечать. По первому вопросу о философском понимании сознания ответа я не услышал. Второй вопрос был «философия постмодернизма». Я спросил, в каком веке возник постмодернизм? Он долго шевелил губами, а потом сказал, что в семнадцатом.

— Не могли бы вы в таком случае назвать имена философов, которые формировали эту философию?

Тут он честно признался, что не знает и согласился с оценкой — два балла.

Прошло минут двадцать, и в двери показалась студентка, которая находилась вместе со сдающими в коридоре в качестве «болельщицы». Она спросила,

когда будет пересдача. Я ответил, что скорее всего через две недели.

— А можно сдать досрочно?

— А что значит досрочно, и кто хочет сдать?

— Середин, он вам сегодня сдавал.

— Я предпочитаю разговаривать не с посредниками, а со сдающими.

— Он плохо себя чувствует. А через две недели не сможет придти на экзамен.

Я поинтересовался, почему.

— У нас очень важное дело, мы уезжаем на семинар. Он хотел бы сдать вам тет-а-тет.

— Я никогда не принимаю экзамен тет-а-тет. Середин — патентованный бездельник, на котором пробы негде ставить. Я бы пошел навстречу человеку, который учится хорошо, старается, но он уже два года ничего не делает. Может, ему не стоит пребывать в этих стенах? Так что пусть приходит тогда, когда назначит деканат.

На этом мы с ней распрощались.

Интереса ради посмотрел листы ответа тех, кто получил двойки. Вот что написал неуч Середин: «Постмодернизм — это сближение философии не с наукой, а с искусством. То есть раньше философию сравнивали и равняли по науке. С приходом постмодернизма стали проводиться литературные вечера, все стало намного проще». Из всей этой галиматьи можно согласиться только с последним — действительно, все стало намного проще.

В этом году как никогда стала заметна деградация студентов. Среди тех, кто учится, всегда есть лентяи, пришедшие в университет потусоваться и себя показать. Есть и стремящиеся к знаниям, желающие расширить свой мир, овладеть профессией, умеющие трудиться. Но таких становится с каждым годом все меньше. Основная тенденция — преобладание тех, кто почти ничего не делает, имитируя учебный процесс, сохраняя при этом невозмутимость и радуясь жизни. Именно эти люди не сдали летом экзамен, а многие просто не явились на него, не будучи допущенными к сессии. В среду сдам ведомости в деканат.

13 сентября.

Один из коллег рассказал, что, будучи удрученным уровнем ответов студентов, он иногда задает им один и тот же вопрос, отчаявшись поставить хотя бы тройку: «Скажите, за что Лермонтов убил на дуэли Пушкина?» По его словам, находятся некоторые, которые начинают весьма бойко объяснять причины трагического события... Тем же, кто сомневается, он сразу же ставит тройку.

19 сентября.

Истоки реформы высшего (и не только) образования уходят в начало 90-х, когда пришедшая к власти элита посчитала, что мы проиграли Западу, и поэтому проигравшим следует учиться у своих учителей, то есть побежденным следует перенять формы жизни победителя, в том числе и систему высшего образования.

Поэтому высшее образование сразу же перевели на коммерческую основу, параллельно занялись средней школой, что привело к тому, что она занимается натаскиванием на решение тестов, вместо того, чтобы обучать мыслить устно и письменно, расширять кругозор с опорой на русскую и мировую классику. Именно поэтому почти ничего положительного из реформы высшей, да и средней школы пока не выходит. Резко упал социальный статус преподавателей, снизился образовательный и культурный уровень студенчества, сократилось бюджетное финансирование, но так как вузам деньги нужны, то увеличивается плата за обучение. Как грибы после дождя выросли фиктивные вузы, в которых все выпускники средней школы теперь могут получить высшее образование. Высшее образование стало массовым. В одном Воронеже числятся 38 высших учебных заведений! Но ничто массовое в социальной сфере не может иметь высокое качество.

20 сентября.

Сегодня читал Эрнста Юнгера, классика немецкой литературы прошлого века, и нашел удивительное высказыва-

ние, сделанное много десятилетий назад, но звучащее как никогда современно: «Так называемая духовная аристократия или интеллигенция — целая армия чрезвычайно гибких и бессовестных работников умственного труда — систематически разрушает веру, иронизирует по поводу героизма, пытается похоронить человеческое достоинство».

Во времена социализма считалось хорошим тоном, обсуждая сложности жизни в виде очередей, блата и пр., резюмировать так: «страна дураков» или «дурдом». И никто на это не возражал. Но и это еще не все. По сути дела такая издевка над своей страной была формой русофобии, недоверия и презрения к русским, которые по сравнению с просвещенной Европой — недоразвитые дикари, за коими надобно присматривать.

Атмосфера, зафиксированная Юнгером, преобладала в нашем университете с конца 80-х, когда началась перестройка. Мы тогда не понимали, что, подрывая тогдашний коммунизм в лице СССР, мы невольно целились в Россию. А когда поняли, было поздно, все рухнуло и погребло нас под обломками. Слава Богу, у нас не было гражданской войны, как в Закавказье или кое-где в Средней Азии. Но миллион с лишним умерших пенсионеров, почти миллион убитых в перестрелках, когда делили собственность — это куда? Сейчас значительная часть интеллигенции таких антигосударственных позиций, кажется, не занимает. Но есть очень активная, пишущая и вещающая часть, группирующаяся вокруг «Эха Москвы», «Дождя» и им подобных, которая занимает откровенно антинациональную позицию.

21 сентября.

Суть позиции наших интеллигентов сводится к тому, что Россия хуже Европы, что нам следует смиренно стать на колени и просить прощения за то, что мы не такие, какими нас хотели бы видеть на Западе. Эти образованные люди напоминают Смердякова, некоторые из них не могут прожить и дня, чтобы не сказать какую-либо мерзость о стране, где они родились, выросли, получили бесплатное образование и много чего еще. Они очень хотят походить на европейцев и считают себя европейцами. Объявив себя либералами, они используют либеральную риторику для реализации интересов Запада в нашей стране.

Однако невозможно строить свою жизнь, если копировать чью-то чужую. Но многие в нашем правящем классе смотрят на Запад как на лучшее место для жизни и переправляют туда накопленные богатства, детей и жен. Они вбивают нам комплекс отставания России, что покоится на линейном понимании истории. Ведь если история — это прямая (условно говоря) линия, то есть те, кто впереди, и те, кто позади.

Но и это не все. Для нашей интеллигенции важнейшей ценностью остаются деньги и вещи, то, что теперь называют комфортом. То есть она хотела бы жить на уровне среднего класса на Западе, получать деньги от государства и относиться к нему при этом с крайним презрением. Но тогда следует поступить честно. Если вам не нравится государство, увольтесь из государственных вузов, не отдавайте детей в государственные школы, не лечитесь в государственных поликлиниках, не звоните в полицию, если что-то случится, не вызывайте пожарных, если у вас горит дом. Но нет, так они не хотят. В этом как раз и заключается цинизм нашего образованного слоя. Они, как писал М. Салтыков-Щедрин, «в одно и то же время и пирог зубами рвут, и глумятся над рукою, им благодеющею».

Эта часть общества является наиболее деятельной, пишущей и говорящей, она активно внедряет в сознание людей идею, что Россия — нецивилизованная страна. Поэтому на идейном поле предстоит еще длительная и упорная борьба. Почти каждый день объясняю эти истины студентам. За редчайшим исключением внешне они соглашаются. Интересно, а что они думают на самом деле?

24 сентября.

На следующий день на меня начали давить. Один звонок был от некоей Татьяны Семеновны с подфака. Она представилась и жалостливо сказала, что ее родной племянник Марк Страусов, который учится на журфаке, смиренно просит, чтобы я его еще раз выслушал. Я заметил, что все сроки сдачи давно прошли, и что принимать экзамен еще раз у патентованного бездельника я не буду, а ведомости сдаю в деканат. Он и решит судьбу племянника. Она начала горячо доказывать, что он такой хороший, что я не выдержал и сказал, что, может быть, он и хороший, только вот весь семестр он ничего не делал, а теперь решили его поддержать, иначе грядет исключение. На что мне Татьяна Семеновна заметила, что разговора у нас с ней не получилось.

— И не могло получиться, — заметил я, — потому что разговоры о том, как «поставить оценку ни за что», я не веду. — На том мы с ней и расстались.

25 сентября.

В этом году я столкнулся с явлением, о существовании которого не подозревал, работая в высшей школе. Это второгодничество. Оказывается, теперь отчисленный за неуспеваемость студент может восстановиться и снова пройти тот же курс за ту же плату. Понятно, что речь идет о тех студентах, за кого платят родители или родственники.

Еще до пересдачи я обратил внимание на то, что в ведомости имеется фамилия, которая мне ничего не говорила — какая-то Мирохина. Она появилась на экзамене, и я узнал в ней студентку, которой в прошлом году поставил двойку на экзамене, и вот спустя год она оказалась в списках, не появившись ни на лекциях, ни на семинарах ни разу. Ответ ее и в этом году ничем не отличался от прошлогоднего. Поставив два балла, я спросил, как она оказалась снова на дневном отделении?

— Легко. Я заплатила деньги в кассу университета.

Все это означает, что высшее образование все больше становится бизнесом. Деньги решают все, они, как говаривал герой Достоевского, «даже таланты дают».

26 сентября.

С утра снова принимал задолжников. Явилось шесть человек. Первым отвечал молодой человек в майке с надписью «I'd rather be in Honolulu». Обычно я даю сорок пять минут, чтобы собраться с мыслями. Но он, посидев минут пять, изъявил готовность к ответу. Он долго не мог вспомнить, в каком веке было Просвещение, и не смог объяснить, почему эпоха так называлась.

— С такими знаниями вы вряд ли попадете в Гонолулу, — заметил я.

Он для порядка внешне согласился, видимо, полагая, что там требуются другие знания.

Потом настал черед девушки, которая, рассказывая о проблеме смысла жизни, заявила, что она не верит в бессмертие души, и загробного мира для нее не существует.

— А откуда же вы берете нравственные принципы?

Она традиционно отвечала, что от родителей; а на вопрос, откуда они взяли свои принципы, беззаботно сообщила, что от своих предков.

— А они откуда? — полюбопытствовал я.

— Так они же всегда были.

Я удивился наивности, хотя чему удивляться? Они живут в мире, лишенном метафизики, в мире, в котором нет ничего, кроме вещей и процессов, и большинство попыток пробиться к их сознанию натыкаются на равнодушие или поразительную наивность, граничащую с глупостью.

— Для меня смысл жизни в том, чтобы заработать, покупать, что хочется, путешествовать и общаться, — сообщила она.

— То есть вы желаете взять от жизни все?

— Да.

Я сказал, что мне ее жаль, ибо она обрекает себя на войну со всем миром,

потому что все остальное, включая ее близких, будет в таком случае средством для достижения цели. Готова ли она к такой войне? Она притихла и окончательного ответа я от нее не дождался. Мои вопросы, как мне показалось, были для нее просто странными, как не от мира сего. Что ж, ее можно понять.

Мне пришло в голову, что они, молодые, отличаются от моего поколения тем, что не выделяют себя из мира, составной частью которого они являются, в то время как мы еще способны рефлектировать по поводу происходящего и можем определить свое к нему отношение. И если мы способны противопоставить себя внешнему миру не только делом, но и словом, то они — неотъемлемая часть этого мира, устроенного по законам постмодерна. И они эти законы чувствуют (не понимают, а именно ощущают), они ощущают запрос на таких, как они — мало думающих, почти не читающих и знающих только где гламур, а где его нет. И они стремятся стать именно такими, какие могут вписаться в общество постмодерна. Поэтому мир, что бы в нем ни происходило, привычен им и целиком понятен, а мне нет.

Последняя студентка отвечала очень неплохо, это была единственная четверка на фоне троек. Я спросил, почему она летом не пришла на экзамен? Ответила, что занялась самокопанием и не успела подготовиться.

— А вообще я здесь человек случайный, — сообщила она. — Я хотела поступать на филфак, но родители нацелили меня на рекламу, они считали, что с такой специальностью можно будет найти работу. А теперь кризис, и рекламистом никуда не устроишься.

Я посоветовал ей поступить в магистратуру на филфак, и на этом мы с ней расстались.

Действительно, на факультете одна треть, а то и больше — люди случайные, забредшие в стены alma mater по недоразумению. Выясняется это довольно быстро, уже после первой сессии. Но они учатся, переползая с курса на курс на сплошных тройках. Есть и такие, кто учатся отлично и хорошо, но все же не они преобладают. Можно долго сетовать на то, что часть студентов не хочет учиться, но мы работаем с теми, кто есть. Других писателей, как говаривал т. Сталин, у меня для вас нет.

1 октября.

Начался второй месяц осени. День мягкий и солнечный. На семинаре зашла речь об идеалах. Рассказал, что смыслы и идеалы в мире вещей не существуют — их там нет, как нет их в природе, окружающей человека. Моралистам прошлого было хорошо известно, что идеал невозможно создать, даже если суммировать моральные качества самых лучших людей. Я задал вопрос: где можно взять идеал? Студенты задумались, но никому не пришло в голову, что нравственные идеалы дает религия. Церковь остается единственным институтом в обществе, которая каждый день говорит о том, что такое хорошо и что такое плохо. Задавая вопросы, пришли к очевидному выводу. Говорит ли семья о том, что надо быть лучше? Да, говорит, но судя по результатам, не слишком активно, родители часто сами нуждаются в воспитании. Школа говорит? Она этим почти не занимается. Университет говорит? Нет, не говорит. И школа, и университет — это учреждения по оказанию образовательных услуг, воспитание не является их прямой обязанностью. Говорит только церковь. В конце литургии всегда бывает проповедь, когда священник на хорошем русском языке (их этому учат) объясняет, что надо быть лучше. Забвение воспитания — закономерный результат перехода к Болонской системе. Отцы реформ полагали, и, кажется, доселе полагают, что советское высшее образование готовило рабов, и поэтому нуждается в реформировании, то есть заимствовании из «свободного мира» существующих там правил жизни. А что, сейчас из дверей вузов выходят свободные люди? Пусть кто-нибудь это попробует доказать.

2 октября.

Сегодня на семинаре разговор перешел на проблему свободы. О свободе в свое время очень точно высказался Ф.М. Достоевский в «Летних заметках о зимних впечатлениях»: «Что такое свобода? Одинаковая свобода всем делать все, что угодно, в пределах закона. Когда можно делать все, что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все, что угодно, а тот, с которым делают все, что угодно».

Потом заговорили о жизни в СССР. Я спросил, была ли там свобода? Почти все ответили, что нет, так написано в школьных учебниках, там все было под запретом, там была империя зла, как выразился Рейган. А как же тогда объяснить, что в этой империи зла было мощное развитие науки, литературы, искусства? Если признать, что учебники правы, то по логике вещей именно сейчас все свободны и могут заниматься творчеством, но где расцвет науки, литературы и искусства, где шедевры? Очевидно, что художественных гениев сейчас не наблюдается. А ведь прошло уже 25 лет, как социализм канул в Лету? Слушали внимательно, ведь никому из них ничего подобного в школе не говорили, но ничего удивительного в этом нет, их учителя — наши выпускники.

Но самое главное, что при всех недостатках социализма у людей была уверенность в будущем. На мой вопрос, кто из студентов уверен в будущем (а я задавал его во всех группах), утвердительно не ответил никто. Это показательно. Кроме того, молодые люди понимают, что социальные лифты почти не работают, а при социализме у любого человека, кто исправно работал, не пил, занимал, как тогда говорили, активную жизненную позицию, была возможность двинуться вверх по социальной лестнице. А теперь всякий, стремящийся проделать то же самое, встречает на двери лифта табличку: «Лифт не работает».

3 октября.

Сегодня занятий у меня нет. В этом одно из преимуществ преподавательской работы. У нас ненормированный рабочий день. Нагрузка в вузе исчисляется в часах, но не в астрономических, а в академических, такой час равен 45 минутам. В год надо выполнить 920 часов. Сюда входят, прежде всего, «горловые» часы — лекции и семинары. В часах исчисляется прием зачетов и экзаменов. На зачет отводится одна треть часа, на экзамен — полчаса на человека. Понятно, что если в группе 25 человек, то формально экзамен должен длиться 12 с лишним часов. На самом деле все проходит быстрее, таким образом, достигается выигрыш во времени. Это своего рода лукавство, которое есть ответ на лукавство тех, кто хочет часами измерить проверку знаний. На прием кандидатского экзамена отводится уже один час на человека, но и там всегда мы принимаем гораздо быстрее. В принципе минут 10–15 достаточно, чтобы понять, обладает человек знаниями, умеет ли мыслить, аргументировать, есть ли в его суждениях логика.

В неделю в среднем у меня получается 10–12 часов, это не ахти какая нагрузка, остается время читать книги, писать статьи, готовиться к лекциям и семинарам. Но нагрузка имеет тенденцию к росту. Когда я пришел на кафедру в далеком 1976-м, то она составляла 550 часов в год, ныне перевалила за девятьсот. Это означает, что реальная заработная плата уменьшилась. И это вместе с инфляцией, которая и так съедает часть нашего дохода. Поэтому преподавательский слой живет от зарплаты до зарплаты, особенно неостепененные.

5 октября.

Сегодня зарплата, я получил 8872 рубля с копейками. Это на две недели. Немного, если учесть, как взлетели цены, а зарплату не повышали уже пять лет. Моя месячная зарплата составляет 21 тысячу рублей минус налоги, это я получаю как кандидат наук и доцент. Стаж не учитывается. Интересно, поче-

му? Думаю, что если учитывать стаж, то расходы на выплату зарплат в вузах резко возрастут, большинство преподавателей, особенно доцентов и профессоров — это люди, которым далеко за пятьдесят. Профессор получает 27 тысяч, а преподаватель без степени тысяч 10–12. Это смешные цифры, и не только потому, что они несравнимы с зарплатами в Европе, на которую так любит равняться начальство. Наши доходы трудно сравнить с уровнем дохода преподавателей в СССР, где платили не в пример больше, потому что понимали, что к высшему образованию следует относиться с уважением и ценить труд тех, кто там работает.

Поневоле сравнишь с тем, что было при социализме. После войны, когда страна лежала в руинах, Совет министров установил шкалу оплат работников высшей школы в пропорции 1:3:5. Единица означала среднюю зарплату по стране, три — зарплата доцента, и пять — профессора. Такой стимул дал свои результаты. Понятно, что люди часто работают не только ради денег, но без денег они работают плохо. Так вот, этот стимул дал взлет советской науки, создал советский средний класс, к которому и я принадлежал некоторое время. Внешним показателем этой принадлежности была не только работа в университете, но и то, что когда я получал 320 рублей, ездил с семьей отдыхать в Юрмалу, и по тем временам мы ни в чем себе не отказывали. Это были достойные, статусные зарплаты, которых теперь, увы, не предвидится. Но это означает, что толковые люди, которые тоже хотят жить на определенном уровне, в высшую школу не пойдут. Фанатиков теперь почти нет, а прагматиков пруд пруди. Так что в этом смысле будущее нашей высшей школы под большим вопросом.

10 октября.

Сегодня проводил коллоквиум, сдавало 38, не сдали шестеро. Вроде немного, но это как посмотреть — почти одна шестая. У большинства сдававших проблемы с формулированием мыслей, с элементарным говорением. Не могут правильно задать вопрос, выделить главное и второстепенное, почти отсутствует логика. Понятно, что это дело наживное, но кажется, есть люди необучаемые. Они не могут получить высшего образования, потому что у них нет среднего, то есть формально оно имеется, но фактически знаний на полушку. И поделать с этим ничего нельзя. Было несколько человек, продемонстрировавших прекрасные ответы, чувствуется культурный фон, начитанность — совсем уже забытое слово! Посмотрим, что будет дальше, в ноябре второй коллоквиум, и по сумме трех таких опросов можно будет поставить большинству зачет «автоматом».

Вместе с коллегами мы часто говорим о падении уровня знаний у студентов. Это понятно: книг они читают мало, критический разум не развивают, рассуждать едва умеют, отчего не обладают системными знаниями, или даже хотя бы основами таковых. Если раньше пользовались слухами, которые передавали информацию на бытовом уровне, то теперь пользуются Интернетом. Вот и напоминают странницу Феклушу из «Грозы» А. Островского, реплики которой иллюстрируют уровень знаний среднего студента. По ее словам, она «далеко не ходила; а слыхать — много слыхала». Оказывается, «есть еще земля, где все люди с песьими головами».

В «Литературной газете» появилась убийственная эпиграмма на нашего министра Ливанова: «С отчетом шустр, с бюджетом быстр — дебилизации министр». Насчет последнего очень похоже на правду. В коридоре встретил коллегу с другой кафедры и привел ему эпиграмму. Он ответил, что она не менее сильна, чем знаменитое: «Гудит, как улей, родной завод...» Жаль, что это двустишие нельзя привести целиком.

14 октября.

Несмотря на то, что занятия у меня не каждый день, к хронике я обращаюсь почти ежедневно. Так получается пото-

му, что многое в современном состоянии высшей школы вызывает вопросы, на которые просто некому отвечать. Вернее, есть кому, но они либо не хотят, либо не могут, или делают вид, что это их не касается, так как всем априори все должно быть понятно.

Сегодня в одной из групп проводил коллоквиум. Из 34 человек 10 не явилось, остальные отвечали вполне прилично. Много пятерок, четверок, есть несколько троек и ни одной двойки. Это утешает. Проблема у большинства в бедности языка, знают мало слов, а теми, что знают, не всегда умеют распорядиться. Большинство через слово вставляет «как бы». Все получается как бы — как бы знания, как бы дело, как бы чувства. В результате получается как бы жизнь.

15 октября.

На семинаре зашел разговор о массовой культуре. Она заменяет высокое искусство прошлых веков ширпотребом, который предлагается публике в качестве последнего слова. Теперь каждый запросто может стать художником, писателем, поэтом, музыкантом за два-три дня, «погрузившись» в соответствующую атмосферу, посетив мастер-классы, предлагаемые вместо многолетнего и тяжелого труда по овладению мастерством. Их охотно и услужливо проводят жаждущие денег и славы. Теперь можно разместить унитаз в музее, и он приобретет статус произведения искусства. К тому же массовое искусство доставляется на дом при помощи Интернета и телевидения. Никаких нравственных идеалов оно не предлагает. У такой культуры формируется своя публика и почитатели, радостно смеющиеся, услышав скабрезность. Характерным примером здесь являются бесконечные идиотические выступления «Уральских пельменей». Это одно из проявлений массовой культуры и ослабления классической. Студенты читают мало, лишь то, что предписано программой. Книги ныне не являются значимой частью интерьера. В многочисленных сериалах ни о чем, которые показывает телевидение, книги в квартирах просто отсутствуют. Домашняя библиотека не является престижным явлением. Исключения бывают, но крайне редко. Действительно, зачем читать?

16 октября.

Сегодня еще один коллоквиум. Студенты подготовились и отвечали неплохо. У одной девушки надпись на майке белыми буквами на черном фоне — «Backer street 221b». Я спросил, что это значит? Название улицы в Лондоне, — был ответ. А вы знаете, кто там жил? Она не знала. А Конан Дойла вы читали? Оказалось, что нет. Неудивительно. Вообще тяга к надписям на одежде заметна у многих, скорее всего у тех, у кого пустовато внутри, и они это чувствуют. Надписи носят разные, иногда игривые, иногда нет. Одного студента лет пять назад я выгнал за непристойную надпись, причем он все время спрашивал, за что. Я отвечал, что он оскорбил мое нравственное чувство. Иногда я интересуюсь, когда надпись в виде иероглифов, что там написано? Отвечают, что неизвестно. Тогда я задаю второй вопрос: а вдруг это реклама шанхайских публичных домов, а вы носите?

Сегодня в коридоре на большой перемене я увидел девушку, одетую в черное платье с надписью «relax», т.е. «расслабься». Надпись на платье была сделана столбиком, а буквы были расположены горизонтально, отчего я затруднился прочитать с первого раза. Потом сообразил, что прочтение надписи рассчитано на горизонтальное положение ее носителя.

26 октября.

Звонили с кафедры, сказали, что надо зайти и взять диссертацию, которую прислали из Волгограда на отзыв. Некая дама написала труд и возжелала его защитить. Что такое диссертация? Это всего-навсего квалификационная работа, которая показывает, что ее автор готов работать в науке, и не более того. Правила Высшей аттестационной

комиссии требуют, чтобы в работе имелась новизна. Вот с этим всегда проблемы. Так вот, начав читать, я обнаружил, что текст разнороден, некоторые страницы написаны автором, и это видно, а некоторые слишком гладкие, что ли. Это значит, что они списаны. Несколько предложений я поместил в поисковик, и он выдал мне ссылки на чужие тексты, откуда автор позаимствовал без кавычек приличные куски текста. Иными словами, своровал. В науке это называется красивым словом «плагиат».

Мой коллега, читавший работу, пришел к таким же выводам. В результате мы написали отзыв, в котором указали, откуда что списано, и отослали в Волгоград. Подозреваю, что дама найдет другой совет, где читают менее внимательно. Многие провинциальные советы сейчас сидят без дела, в нашем совете за три года была защищена одна диссертация. Поэтому могут принять к защите и списанный текст, надеясь, что в условиях распада и анархии работа проскочит в ВАКе. Ведь там диссертацию целиком не читают, смотрят заключение Ученого совета, может быть, окинут взором введение и научную новизну. Именно эти части работы шлифуют до блеска. В условиях всеобщей погони за деньгами приобретение кандидатской степени любой ценой становится привычным делом. К чести Ученого совета нашего факультета следует сказать, что липовых диссертаций в нем не защищают. Бывают работы послабее, бывают посильнее, но таких, что были списаны, пока что не было. Другое дело, что защит мало — за три года всего одна диссертация.

31 октября.

Сколько нам требуется специалистов, имеющих философское, историческое, филологическое образование? Кажется, никто этого не знает, нет даже индикативного планирования, а есть погоня за деньгами, что подтверждает простой факт. Из года в год урезаются места для историков и филологов, а наборы на юрфак и экономический факультет достигли всех мыслимых пределов. Молодежь рвется туда для банального обогащения. Не останавливает и то, что большинство среди молодых безработных — это люди, имеющие юридическое и экономическое образование. По официальным данным, 70 % лиц с названным образованием не имеют работы или работают не по специальности. Выпускники нашего факультета тоже испытывают затруднения при устройстве на работу, особенно философы — большая часть получивших диплом, по специальности не работает.

8 ноября.

Позвонил шеф, просит принять участие в составлении программы для магистров. Факультет старается завлечь потенциальных обучающихся. Это неплохо, но есть ряд вопросов. Прежде всего, сама идея магистратуры — зачем она нам? Имелась пятилетняя система подготовки специалистов — она работала, можно было ее улучшать, видоизменять, но ее отменили, никому не объяснив, чем четыре года лучше пяти. К бакалавриату добавили два года — магистратуру. Но магистрами может стать от 20 до 50 % бакалавров, на разных факультетах по-разному. Кроме того, предполагается, что магистром может стать любой бакалавр, скажем, ветеринар будет изучать историю, а лингвист будет химиком. Правда, для этого следует сдать экзамен по специальности, но наверняка примут всех подряд, невзирая на знания, так как магистратура по преимуществу платная. Предположим, их начнут учить, но ведь для этого требуется еще фоновое знание, без которого усвоение формул и смыслов если и произойдет, то будет поверхностным.

Официально это сделано для того, чтобы широкие студенческие массы передвигались к нам с Запада и Востока и от нас в обратных направлениях. Получив звание бакалавра, студенты смогут углубить знания или получить новую специальность в другом вузе, предположим, в европейском. Однако потока студентов к нам не видно, равно как из ВГУ

в другие страны ездит примерно человек 25–30 в год, о них регулярно сообщает университетский сайт.

Для учебы в другой стране надо прилично знать язык, а с этим большие проблемы. Язык изучают всего два года, во всяком случае, в учебном плане факультета журналистики так и обозначено. В сумме за два учебных года получается 288 часов. Это две пары в неделю! Можно ли выучить иностранный язык, обучаясь с такой интенсивностью?

Об этом вчера говорил с профессором-лингвистом, старым другом. Он сетовал на то, что вроде мы стремимся сближаться с Европой, говорим об интеграции, а на английский язык (как и на другие) в учебном процессе отводится минимум. На всех факультетах, кроме РГФ и международных отношений, полагается одна пара в неделю на протяжении двух лет. А ведь при советской власти, которая к интеграции не стремилась, было 6 часов в неделю на протяжении четырех лет. И то люди язык плохо знали. Что же делать? А тогда открываются двери университетского языкового центра, и добрые тети говорят: «Приходите к нам, мы вас выучим, но только за деньги».

9 ноября.

Когда затевался переход на подготовку бакалавров и магистров, предполагалось, что магистры будут получать углубленные знания, писать магистерскую работу, нечто вроде облегченного варианта диссертации. В реальности все оказалось иным. На занятия — об этом сужу по собственному опыту — ходит едва ли одна треть списочного состава. Остальные работают. И заставить их посещать невозможно, потому что все ссылаются на тяготы жизни, на то, что не на что жить. Их можно понять. Стипендии мизерные, не у всех родители могут содержать детей в статусе магистров, поэтому работа — единственный выход. Но и двойки большинству не поставишь. В прошлом году на факультете международных отношений по моему курсу был зачет, и я его поставил всем: и ходившим, и не ходившим. А что делать? Кстати, единственными студентами, посетившими все занятия, были двое китайцев.

10 ноября.

На лекции в теме «Ценности постмодерна» говорил о политкорректности, которая нивелирует неравные явления и нацеливает относиться к неравному как к равному. Это лукавая попытка сделать вид, что между разными по природе явлениями никакой разницы нет и быть не может. К примеру, политкорректность в пределе предполагает отсутствие разницы между мужчиной и женщиной, но эта разница существует. В сущности это система запретов, которая служит для подавления инакомыслия и контроля мнений в условиях свободы слова. Это цензура, которая выражается в замалчивании проблем. Если копнуть глубже, становится очевидным, что для политкорректности истины относительны, и стремление к ним даже не предполагается. Политкорректностью активно пользуются разного рода меньшинства, в том числе и сексуальные, чтобы навязать свою волю большинству. Попробуй на Западе скажи, что содомиты извращенцы. Сразу же пресса закричит, да еще по судам затаскают.

В рамках политкорректности активно внедряется соответствующая лексика. Негра нельзя назвать негром, а почему? В «Приключениях Тома Сойера» М. Твена слово негр скоро заменят словом африканец. Но африканец все равно указывает на тех, у кого кожа черного цвета. Ведь африканцами не являются арабы, индусы или белые, живущие в Африке. В русском языке существуют слова с корнем негр, что с ними делать? Это негритосы — низкорослые племена юго-восточной Азии, негриллы — негроидные племена в центральной Африке и т.д. А название негроидной расы куда девать? А негритюд, который придумал Леопольд Сенгор, первый сенегальский президент? На Западе имеется комплекс по поводу работор-

говли, но мы не торговали рабами, у нас не было колоний в Африке, с какой стати мы должны следовать этим правилам? Некоторые мои коллеги также переняли эту привычку, сказывается вдолбленное двумя десятилетиями правило заимствовать все с Запада. На мой вопрос, почему они так делают, отвечают, что иначе нельзя. Бред какой-то. И все же: как называть негров, если обяжут перейти к толерантности? Может, агарянами, как в Новое время европейцы иногда называли жителей Африки? Не удивлюсь, если употребляющих слово негр назовут расистами.

19 ноября.

Сегодня всемирный день философии. На сайте университета интервью с деканом и двумя коллегами с нашей кафедры о смысле философии и ее высоком значении. На мой взгляд, философии в наши дни нечего сказать обществу. Именно так, в прямом смысле слова — нечего сказать. Еще лет пятьдесят назад, когда были живы, скажем, Сартр или Хайдеггер, было что сказать, и раньше, в XIX и XVIII веках, было что сказать. А теперь нечего. Так происходит потому, что в эпоху постмодерна истина никого не интересует.

Искусству пока еще есть что сказать, потому что оно в классических формах сохраняется. Может многое сказать религия, и она говорит тем, кто может и хочет слышать. А вот философия пуста. Это очевидно, если внимательно читать современные философские журналы и книги. Философия не может стать массовой, но и в классических формах она существовать не в состоянии. Это драматическая ситуация. Видимо, в развитии философского знания возникнет пауза — время пустых смыслов. Сколько она продлится — Бог весть.

25 ноября.

Оторванность интеллигенции от истоков русской культуры видна хотя бы по тому, что Евангелия она изучала по роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Нет слов, роман гениальный, но Булгаков написал кощунственные страницы о Христе, чего интеллигенты не хотели замечать, потому что слова Булгакова считали откровением. Многие и до сих пор находятся под обаянием булгаковских героев, которые утверждают своими действиями, что зло порождает добро. При этом всегда приводится цитата из «Фауста»: «Я часть той силы, что вечно хочет зла, и вечно сотворяет благо». Цитируя Гете, Булгаков тем самым утверждал, что в Евангелиях написана неправда, и что зло порождает добро. На одной из лекций, когда речь зашла о христианстве, я изложил эти мысли, спросив, не возникало ли у студентов сомнения в правоте Булгакова? Нет, не возникало, ответили мне. Я предположил, что не возникало потому, что они не только не читали Евангелий, но и в руках их не держали.

Выйдя из учебного корпуса, встретился с замдекана одного из гуманитарных факультетов. Перебросились парой слов, вспомнив старую преподавательскую присказку — все хорошо, только вот студенты мешают.

27 ноября.

Платные вузы, маскирующиеся под высшую школу, расплодились с середины 90-х годов, демонстрируя наглость и дерзость по отношению к государству, чьих чиновников они покупали с потрохами. Рособрнадзор, возглавляемый г-жой Глебовой, которая затем благополучно осела в Совете Федерации, метал громы и молнии, но воз и ныне там. Есть сотни способов втереть очки, и много ли вузов такого рода закрыли? Не больше десятка. Проблема в том, что, несмотря на закрытие, лжевузы никуда не деваются, они меняют вывески, либо передают (фактически продают) студентов другим шарашкиным конторам, в которых процесс имитации обучения продолжается.

В одном из таких заведений я работал в самом конце 90-х. Нужда заставила. Но продержался я там недолго, ушел после половины семестра. Работа хотя и денежная (платили немного больше,

чем в ВГУ), но отупляющая. Контингент — люди необучаемые по определению. Они делали вид, что учатся, а мне делать вид, что я ставлю пятерки, не хотелось, и я уволился.

1 декабря.

Снова лекция и снова коллоквиум в другой группе. Во время ответов я не только слушаю, но и наблюдаю за мимикой, жестами, одним словом, за реакцией. Большинство студентов люди вполне открытые, искренние. Есть и себе на уме, но их мало. Но есть такие, что сохранили простодушие Кандида. У них взросление только начинается. Впереди столкновения с жизнью, крах иллюзий, переживания, слезы и радости, попытки возложить всю вину на других, и только потом на себя, и прочее; словом, все, что сопровождает молодую жизнь, полную надежд и ожиданий.

После коллоквиума говорили о нравственном кризисе в современном мире. С Запада нам пытаются привить однополые браки, прикрываясь разговорами о толерантности и отсутствии в России свобод. В том, что происходит, есть определенная логика. Если узаконят однополые браки, а в ряде стран это уже сделано, то следующим шагом будет узаконение брака человека и животного со всеми вытекающими нравственными и юридическими последствиями. Потом разрешат клонирование динозавров и мамонтов, скрестят человека и обезьяну, причем сделают это вопреки законам биологии, «подправив» природу. Такова перспектива. Ихтиандр в такой ситуации покажется детской шуткой. Действовать они будут в соответствии с принципом протестантской этики — разрешено все, что не запрещено законом.

3 декабря.

Чем занимается наш профсоюз? Распределяет подарки детям перед Новым годом. Чем еще? Наверно, кому-то дают льготные путевки, но я давно не слышал, чтобы кто-нибудь из коллег съездил в санаторий. Преподаватели беззащитны, нагрузка растет, а она и так одна из самых высоких в мире, но профсоюз никого из нас не защищает, никто из профсоюзных лидеров даже не заикнется об этом публично. Профсоюзам доверия нет, почти никто не ходит на профсобрания, просто не верят в то, что можно что-то сделать. Наш профсоюз — убожество, это вам не «Форс уврие́р».

13 декабря.

Некоторые студенты приходят в университет, чтобы пообщаться, или, как говорят со времен перестройки, потусоваться. Они являются носителями особой атмосферы постмодерна, атмосферы, которая соединяет учебу и развлечение. В последние десятилетия обозначилась тенденция превращения развлечения в основное занятие, ибо гедонизм — стремление к наслаждениям — утверждается как основная ценность жизни. В таком случае и работа, и учеба принимают игровой характер. Поэтому знания получают, развлекаясь, а из слияния слов information и entertainment возникло понятие infortainment. Значит, учеба должна стать своего рода развлечением, к тому же стандартные аудитории мало подходят для игры-учебы. Наверно, поэтому в новом соседнем корпусе большая часть площадей отведена под огромные рекреации, которые должны служить местом игры-учебы. Видимо, в корпусах будущего аудитории вообще не будут предусмотрены.

14 декабря.

В среду проводил в одной из групп коллоквиум. Одна девушка в ответе употребила слово «блин», причем сделала это с большим чувством, оттенив его интонацией. Я прервал разговор и объяснил ей, что так выражаться негоже, слово это звучит неприглядно, и что она как студентка словесного факультета должна следить за своей речью. Потом я ей объявил, что снимаю ее с коллоквиума и жду на экзамене. И тут у нее началась истерика, она на повышенных тонах стала требовать от меня, чтобы я объяснил, почему ей теперь предстоит сдавать экзамен.

Я отвечал, что, не будучи ханжой и не страдая чистоплюйством, я уважаю себя и не позволю разговаривать со мной на таком языке. Тогда она весьма развязно заявила, что извиняется, на что я отвечал, что извинение не принято. Это поразило ее сильнее всего. Она закричала, что будет жаловаться, поднимет общественность и пойдет в деканат. Чем больше в ней закипала ярость, тем спокойнее я становился. В момент наивысшего ее бурления, я объяснил, что коллоквиумы — их проведение — это моя добрая воля, в учебных планах они не значатся, поэтому меня невозможно упрекнуть в том, что я лишаю ее возможности учиться.

Тогда она выкрикнула, что напишет обо мне в Интернете, на что я ей посоветовал черкнуть на студенческий сайт «5 сов», там примут с превеликой охотой. В ответ она сообщила, что я оскорбил и ее, и замечательный студенческий сайт, подхватила сумку и, хлопнув дверью, буквально выпрыгнула из аудитории. Такую энергию, да на добрые дела — единственное, что я мог сказать, подводя итог разговору.

Закончив коллоквиум, я подошел к двери. И тут она снова появилась в аудитории. Теперь ее было не узнать. Ее душили слезы, на лице проступала мина раскаяния. Она начала слезно просить о прощении. Я отвечал, что поскольку сейчас Великий пост, то Бог простит, а на коллоквиум она может приходить со следующей группой. Подозреваю, что прощения она просила потому, что, наверно, впервые в жизни встретилась с непонятным наказанием, тогда как раньше ей либо прощали проступки, либо вообще не обращали внимания на них. Жаль, нет в ней смирения. Ну, вот что делать с такими людьми?

15 декабря.

Судя по моим наблюдениям, большинство студентов пребывает в поре романтических грез и мечтаний, и это прекрасно. Кто же в студенческие годы не был романтиком? Оборотной стороной этого состояния выступает удивительное простодушие и наивность. Беда в том, что период грез непомерно затягивается, плавно перетекая в оправдание ничегонеделания либо неприятия всего, что мешает пребывать в романтическом состоянии. А почему так получается? Скорее всего, это связано с отсутствием ясных целей и адекватного понимания реальности. Кроме того, в сознании преобладает неуверенность в будущем, чего я в их возрасте не знал. Они живут зыбкой жизнью. Но строго судить за это вряд ли стоит. Без периода поисков своего отношения к миру не обойтись, желательно только, чтобы он не затягивался.

19 декабря.

Мы преподаем на основе федерального образовательного стандарта, и это неплохо. На его основе составляется программа, общая для всей кафедры. А вот на ее основании я должен заполнить особые формы — программы применительно ко всем специальностям или направлениям, по которым я работаю. Туда же прикладывается список литературы, критерии оценки, экзаменационные билеты, которые торжественно переименовали в КИМы — контрольно-измерительные материалы. Указывается, сколько часов отводится на лекции, сколько на семинары, и отдельной строкой пишется, сколько часов студенты должны посвятить самостоятельной работе. Откуда эти цифры? Кто и как это подсчитал?

Но еще зачем-то требуются аннотации к программе — значит, кто-то, совсем малограмотный, сначала одолеет аннотацию и лишь затем сумеет осилить программу. Видимо, так рассуждают те, кто требует весь этот набор бумаг. Мне пришлось сляпать с полдюжины аннотаций, которые никто читать не будет. Кому все это нужно? Процесс их создания отнимает время, портит нервы и, кроме презрительного отношения, ничего не вызывает. Эти бумаги — материализованное лицемерие, выражающееся в старой формуле: «Если бумаги в порядке, значит, все в порядке». Го-

воря языком постмодерна, это изощренный процесс создания симулякров, которые нужны для отчетов в высшие инстанции, потому что все равно никто этих бумаг не читает, да и зачем? Смысл их составления — не в применении, а в самом составлении. Это мнимая реальность, которая застит настоящую, ту, в которой мы общаемся со студентами.

23 декабря.

Ректор как-то на совещании сказал, что мы должны работать на рейтинг. А на самом деле совсем наоборот. Рейтинг есть показатель нашей работы, и работаем мы не для него и не на него. На самом деле рейтинг — инструмент манипуляции, и не суть важно, на каком мы месте — важно, кто составляет рейтинг и с какой целью. Неуемная любовь к рейтингам означает, что форму приравнивают к содержанию. Это парадокс, о котором в свое время писал Гегель, — форма становится тождественной содержанию, когда последнее исчерпывает себя, теряет свою определенность, и тогда внутреннее заменяется внешним.

25 декабря.

Сегодня выдают последнюю в этом году зарплату. Мы получаем и за пятое января, в сумме получается месячная выплата. Мне выдали 17500. Ровно столько же, сколько и в прошлом году. Но за это время цены выросли процентов на тридцать, не меньше. Это официальная инфляция составляет 15 процентов, но ее считают, складывая средние цены на морковь и «Мерседесы». Последние мы не покупаем, а, скажем, картошку покупаем регулярно. Поэтому на самом деле официальная цифра инфляции — это инфляция для «бедных». А преподаватели уже приблизились к этой черте. И потом, курс рубля все время падает в соответствии с падением цен на нефть. И, следовательно, мы становимся день ото дня беднее. Но я как работал, так и работаю, не хуже, чем раньше. Так почему же я на получаемые деньги могу купить все меньше и меньше?

28 декабря.

Принимал последний зачет. Из 25 пришедших сдали 20 человек, остальные придут в феврале. Одна девушка горько расплакалась. Пришлось объяснить, что ее никто за один несданный зачет не отчислит. Просто ей дают шанс получше выучить.

После зачета решил суммировать способы объяснения, к которым прибегают студенты в случае, если они знают материал плохо или вовсе с ним незнакомы. Таких способов немного. Видимо, они рассчитаны на то, что преподаватель все поймет и поставит положительную оценку даже при отсутствии знаний. Итак: 1. Все понимаю, но ничего сказать не могу; 2. Все смешалось в голове; 3. Знаю все, кроме этого; 4. Учил, но забыл. Иногда встречается совсем уж незатейливое объяснение: я учил.

Объяснения бесхитростны и рассчитаны скорее на школьного учителя. А в целом некоторые ответы на зачете напоминают старый анекдот про «Поле чудес»: «Все буквы угадал, а слова назвать не могу».

12 января.

Сегодня начались лекции у заочников в самом «сжатом» очерке. На этику отводится десять часов, т.е. пять лекций. Что можно сообщить за это время? Основы основ и несколько деталей. Просто познакомить с тем, что такое этика, не более того. По списку на курсе всего 16 человек, присутствует от силы девять. Слушают внимательно, задают вопросы. В отличие от «дневников», они лишены возможности ежедневно общаться с преподавателями, поэтому стараются не пропустить ни слова.

Деканаты определили, когда начнутся занятия во втором семестре — 15 февраля.

23 января.

Раньше говорили: не будь равнодушным. Теперь говорят: будь толерантным. В школах проводят уроки толерантности, все нравственные акценты изменились, учат, что не нужно обра-

щать внимания на то, что у нормального человека вызывает отторжение. Студентам реклама, телевидение и Интернет вбивают в голову простую мысль: чтобы жить, надо быть успешным. А что это значит? Это значит, что надо быть циничным, злым, хватким, чтобы не стать жертвой, потому что все вокруг такие же циничные, злые и хваткие.

Отсутствие нравственного идеала сказывается на молодежи самым пагубным образом. Конечно, можно быть порядочным человеком и в Бога не верить, и таких людей наверняка достаточно. Но речь идет о том, что нравственные основания жизни осмысливаются, а тогда в любом случае возникает вопрос, кто является нравственным идеалом?

28 января.

Разговор о высшем образовании так или иначе приводит к фигуре министра Ливанова, в адрес которого уже несколько лет раздается жесткая критика. Он уже вошел в историю нашего образования как министр-разрушитель. В истории русского просвещения тенденция разрушения связана с именем министра просвещения Ивана Делянова, которого писатель В. Короленко назвал как-то «гнилой колодой, лежащей поперек дороги народного образования». На этой же ниве активно работает и министр Ливанов. Он отодвинул в сторону традицию созидания, а ведь у прошлого есть чему поучиться.

У истоков традиции созидания стоит великий Ломоносов, а в позапрошлом веке ее активно развивал министр просвещения Сергей Уваров. Он был создателем национальной идеологии, его триада — православие, самодержавие, народность — была переложением другой идеи — за веру, царя и Отечество. Уваров ввел в русских университетах предметы, которые ранее не изучались — это отечественная история и русская литература. Это был фундаментальный сдвиг, который сказался на развитии страны, национального самосознания, культуры. Но самое главное, что министр просвещения был убежден, что нравственность стоит выше учености.

В противоположность, при Ливанове все возможные курсы гуманитарных наук сократились. Что касается соотношения учености и нравственности, то при Ливанове сделан окончательный выбор в пользу учености; учебные заведения, начиная со школы, не имеют более воспитательной функции, они предоставляют лишь образовательные услуги. Чтобы спасти высшую школу, следует остановить реформы, осмотреться и понять, что мы сделали и что можно сделать. Но для этого требуется политическая воля. Но главное в том, что частные меры не могут решить общей задачи, потому что ее нет. Беда в том, что нет метафизической цели, высших смыслов, во имя чего учится или трудится человек. Все сводится к обладанию деньгами и вещами.

24 января.

На экзамен ко мне пришла студентка, которая с ходу объявила, что у нее справка (тут она показала какую-то бумагу), в которой написано, что у нее частичная амнезия.

— Я получила травму головы, — сообщила она.

— Может быть, вам не стоит сдавать экзамен, а когда выздоровеете, приходите.

— Нет, я буду сдавать.

С этими словами она взяла билет и начала готовиться. Отвечала она слабо, особой потери памяти при этом не проявляла и на тройку наговорила. Под конец я спросил, что же с нею случилось.

— Я упала с дивана, — был ответ.

Интересно, какого рода эволюции на диване могли привести к такому падению, что результатом стала травма головы с частичной потерей памяти?

Память, конечно, штука ненадежная, у большинства студентов память нормальная, это значит, что студент может запомнить (хотя бы в операционном смысле) значительное количество информации и затем поделиться ею с преподавателем. Но некоторые спекулируют тем, что у них якобы плохая память. Я вполне допускаю, что есть

студенты со слабой памятью, но в таком случае любое заявление, что я, мол, не могу запомнить, потому что память у меня плохая, означает, что человек расписывается в собственной профнепригодности.

25 января.

Иногда на экзаменах происходят курьезные случаи, которые надо бы записывать, да все руки не доходят. На днях я задал дополнительный вопрос: что такое «бритва Оккама» — как известно, это логический принцип, помогающий выразить мысль наиболее точно. В ответ я услышал:

— У Оккама слова были острые, как бритва.

Хоть стой, хоть падай. Коллеги рассказывали как-то, что на вопрос, какую газету издавал Герцен в эмиграции, студент долго не мог ответить. Тогда ему решили подсказать, задав образный наводящий вопрос:

— Во что бил Герцен?

Ответ не замедлил себя ждать:

— Герцен бил... в яблочко.

А меж тем ответ должен быть известен из школьного курса истории России — Герцен издавал «Колокол».

Бывают случаи, когда экзаменатор становится в тупик, потому что непонятно, что ставить. Скажем, три мало, а четыре много. Наверно, требуется более гибкая и более дробная шкала отметок. Несколько лет назад я разговорился на эту тему с коллегой, преподававшем на одном могущественном факультете, и тут же вспомнил историю, случившуюся в XIII в. во время Альбигойских войн на юге Франции. После осады и взятия города Каркассона началась резня, в которой убивали как еретиков, так и ни в чем не повинных христиан. Осаждавшие спросили папского легата, как отличить добрых от злых? Он отвечал: «Убивайте всех подряд. Господь распознает своих». Приведя эту цитату, я посоветовал коллеге действовать в рамках той же логики: «Ставьте двойки всем подряд. В деканате узнают своих».

30 января.

Сейчас в России почти 2800 высших учебных заведений, причем, как правило, они выбирают громкое и претенциозное название «академия», хотя могут ютиться в двух-трех клетушках. При советской власти (в 1975 году), по данным БСЭ, имелось 856 вузов, и этого в принципе хватало, потому что в те времена только 20–25% выпускников становились студентами. Остальные шли на производство, к станку, в поле. А теперь студентами становятся почти все вчерашние школьники.

Пару лет назад телевидение показало документальные фильмы Бориса Соболева под общим названием «На дне знаний». Он сверхубедительно показал, что в основе деградации высшей школы лежит обыкновенная алчность, которая прикрывается красивыми словами о компетенциях, Болонской системе, оптимизации учебных курсов и т.п. Алчность доходит до того, что в преподаватели берут учителей младших классов, ни дня не проработавших в высшей школе. В одном из фильмов есть интервью с тогдашним министром образования А. Фурсенко, который сказал, что существование фиктивных вузов, которые собирают деньги и выдают дипломы, связано всего лишь с отсутствием информации у будущих студентов. Мол, поступали и не знали, куда поступают. Это классическая ситуация, когда следствия выдают за причины.

В одном из фильмов Б. Соболева прозвучала и другая цифра — конкурентоспособны всего 150–200 вузов, а то и меньше. Это результат либеральных реформ как в целом, так и в сфере высшего образования. Результат — деградация образования, коррупция, нищета преподавателей, низкий уровень знаний.

2 февраля.

Начались каникулы, университет пуст, первый семестр завершился. Это время подведения итогов, пусть промежуточных. Очень надеюсь, что в следующем семестре удастся то, что не уда-

лось в истекшем. Удастся и тем, кто работает в высшей школе, и государству. Ведь власти всегда будут требовать от преподавателей высшей школы максимальной отдачи, и это правильно. Но в таком случае желательно проявлять о них заботу, следует услышать, о чем они говорят. Все уверены в том, что ЕГЭ ведет к деградации, однако от него никто не собирается отказываться. Все говорят и знают, что нагрузка слишком велика — но министерство словно об этом и не слышит. О зарплатах я не говорю — это притча во языцех. Но и здесь гробовое молчание, либо пустые обещания повысить жалованье, в соответствии со средней зарплатой по региону. Но, судя по всему, никаких повышений нам не видать. Понятно, что в экономике имеются серьезные проблемы, но без высшей школы страна будущего не имеет.

Высшая школа и так понесла страшный урон во время реформ, которым нет конца. Текущие реформы — это своего рода тупик, из которого надо как можно быстрее искать выход. А для этого требуется политическая воля, чтобы остановить реформы и подумать серьезно, что делать дальше. В таком случае инициаторы реформ должны будут уйти со своих насиженных мест. А пока высшая школа деградирует, ее состояние изменить можно, лишь приложив экстраординарные усилия.